

**Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА**

**О ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА В VII—IX вв.**

Вопрос о территории Болгарского государства в начальный период его истории чрезвычайно важен, так как с ним связан ряд других проблем: устройство и характер Болгарского государства в этот период и его административное деление; его социально-экономическое и культурное развитие; взаимоотношения славян с протоболгарами и т. д. В прошлом эти вопросы рассматривались с присущим буржуазной науке националистическими увлечениями.

Некоторые болгарские историки стремились доказать, что Болгария в первые десятилетия своего существования обладала большими размерами территории, чем на самом деле, приписывая ей те или иные земли, которые она приобрела лишь впоследствии. Более точное и непредубежденное толкование сохранившихся исторических источников дает возможность уточнить границы Болгарского государства в ранний период его существования и избежать необоснованных гипотез о времени его наиболее важных территориальных расширений.

При своем возникновении Болгарское государство не имело утвержденных посредством договора с Византией границ. Согласно Феофану, протоболгары Аспаруха при своем проникновении на юг от Дуная заняли часть страны к югу от Одеса и до восточных проходов главного Балканского хребта. Вместе с тем они оттеснили славянское племя „северян“ на восток от прохода Верегава<sup>1</sup>, а остальные „семь племен“ — на юг и запад (до аваров)<sup>2</sup>. Патриарх Никифор добавляет к этому, что „болгары приказали одним охранять соседние с аварами земли, а другим — близкие к Византии области“<sup>3</sup>.

На основе этих письменных данных обыкновенно считают, что границами Аспаруховской Болгарии служили на юге Балканский хребет,

<sup>1</sup> К. Иречек (K. Jireček. *Archäologische Fragmente aus Bulgarien. „Archäologische Epigraphische Mitteilungen“*, X, 2. Wien, 1886, p. 157) считает, что Верегава — это современный Чалыкавашский (Ришский) проход. Эту точку зрения поддерживают К. Шкорпил (ИРАИК, X, 1905, стр. 510, 564) и В. Златарский (В. Златарски. *История на Българската държава*, т. I, 1. София, 1938, стр. 142, 411—412). В. Аврамов считает, что Верегава — это современный Байрямдеренский проход (В. Аврамов. *Верегава — Байремдеренски проход. „Юбилеен Сборник Пляска — Преслав“*. София, 1929, стр. 90—94). И. Дуйчев выводит название Верегава от древнеболгарского слова „верига“. Он полагает, что название Верегава было дано наиболее широко известному в раннее средневековье проходу, а именно Върбишскому (Ив. Дуйчев. *Проучвания върху българското средновековие. „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“*, кн. XLl. 1. София, 1945, стр. 153—163).

<sup>2</sup> *Theophanis Chronographia*, rec. C. de Boor, I. Lipsiae, 1887, p. 359, 15—17.

<sup>3</sup> *Nicephori Opuscula historica*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 p. 35, 20—22.

на западе — сначала река Искыр, а несколько позднее (также при Аспарухе) река Огоста до Дуная, на востоке — Черное море, а на севере Болгарское государство включало и некоторые задунайские области<sup>4</sup>.

При исследовании вопроса о первоначальных границах Древнеболгарского государства необходимо иметь в виду, что, согласно сохранившимся письменным сведениям, мирный договор, заключенный между протоболгарами Аспаруха и Константином Погонатом в 680 г.<sup>5</sup>, содержал одну единственную статью: по этому договору византийская империя обязывалась ежегодно платить дань Болгарии<sup>6</sup>.

В этом первом договоре не было и речи об официальном признании еще слабого Болгарского государства и об утверждении его границ.

Это произошло несколько десятилетий спустя, а именно по договору 716 г.<sup>7</sup>, который, согласно сообщению Феофана, был заключен между Византией и болгарским правителем Кормисием (Кормисошем) во время правления византийского императора Феодосия III (715—717) и константинопольского патриарха Германа (715—730) и который Крум стремился восстановить в 812 г.<sup>8</sup> „В этом году, — пишет Феофан, — Крум, пред-

<sup>4</sup> В. Златарски. Ук. соч., т. I, 1, стр. 151—155; St. Runciman. History of the First Bulgarian Empire. London, 1930, p. 27.

<sup>5</sup> О точной дате этого договора см. St. Runciman. Op. cit., p. 27; G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1952, S. 103; ср. Г. Цанкова-Петкова. Бележки към началния период от историята на българската държава. ИИБИ, V, 1954, стр. 344—346; Gy Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I. Berlin, 1958, S. 72; История на България, т. I. София, 1954, стр. 66.

<sup>6</sup> „Укрепившись в этих местах, они набрались дерзости и начали нападать и опустошать крепости и села, находившиеся под ромейской властью. Вследствие этого император был вынужден заключить с ними договор и согласился уплачивать им ежегодную дань как свидетельство позора ромеев за многие их грехи“ (Theoph., p. 359, 21—25) „Усилившись и укрепившись в этих местах, они начали опустошать села и города во Фракии. Видя это, император был вынужден заключить с ними мир и платить им дань“ (Niseph., p. 35. 22—25). Подобные договоры в VII—VIII вв. Византия заключала и с другими соседними народами. Так, например, в 583 г. был восстановлен императором Маврикием существовавший ранее мирный договор между Византией и Аварским каганатом, по которому Византия должна была платить дань в размере 100 тыс. золотых монет в год. (Theoph., p. 252, 31—253. 1). Позднее, в 634 г., при императоре Ираклии был заключен договор между Византией и сарацинами, согласно которому византийская провинция Египет должна была платить сарацинам 120 тыс. динаров в год. (ibid., p. 389, 11—16). Эти и многие другие подобные договоры были вызваны необходимостью защитить пограничные области империи и их жителей от нападения. Никаких иных статей в этих договорах нет.

<sup>7</sup> В. Златарский считает, что этот договор был заключен в 716 г. (ук. соч., т. I, стр. 177, 196, 262 и др.). В. Бешевлиев принимает 717 г. (В. Бешевлиев. Надписите около Мадарский конник. Сб. „Мадарский конник“. София, 1956, стр. 72).

<sup>8</sup> Вопрос, когда и при каком болгарском хане был заключен этот договор, не решен окончательно и подлежит специальному рассмотрению. Бадасчев считает, что Феофан здесь перепутал имена болгарских правителей, приписав этот договор вместо Тервеля Кормисошу (Г. Баласчев. Българският господар Тервел. ПСп, LVII, 1898). Эта точка зрения воспринята и Златарским (ук. соч., т. I, стр. 178—180), который датирует правление Кормисия (Кормисоша) 739—756 г., и многими другими исследователями. Бешевлиев в результате специального изучения текста Феофана и сопоставления сообщения Феофана об этом договоре с одной из надписей около Мадарского всадника доказывает, что Феофан не спутал имени болгарского хана и что договор действительно был заключен во время правления Кормисия (В. Бешевлиев. Надписите..., стр. 72—73; ср. V. Beševlijev. Les inscriptions du relief de Madara. BS, t. XVI, 2, 1955, p. 245 sq; е го же. Κύριος Βουλγαρίας. BZ, Bd. XLI, 1941, p. 287 sq). Выводы Бешевлиева подтверждаются и данными латинских авторов Сигеберта (XI в.) и Албериха (XIII в.), которые говорят о Кормисии (под 727 г.) как о наследнике Тервеля (Sigeberti Chronica. MGH, SS, VI, p. 330: „Constantinopolitani contra Leonem imperatorem pro depositione imaginum Dei tumultuantur... Cormesius Bulgaribus dominatur.“ Ср. Chronicon Alberici monachi triam fontium. MGH, SS, XXIII, p. 704, s.a. 727). Сведения об этом периоде Сигеберт брал у Беды и продолжателей Фредегара, а Алберих имел под рукой, кроме Сигеберта, еще и сочинения епископов Оттона и Хугона (см. L. C. Bethman. Sigeberti

водитель болгар, вновь повел с императором переговоры о мире через посредство Драгомира. Он постарался восстановить договор, заключенный при Феодосии Адрамитее и патриархе Германе с Кормисием, тогдашним правителем Болгарии, который (договор) определял границы от „милеонов“ во Фракии<sup>9</sup>. Текст этого договора дает нам важные сведения о том, что Крум стремился утвердить ту границу между Болгарией и Византией, которая была установлена почти за сто лет до этого при наследнике Тервеля Кормисии. К сожалению, описание этой границы у Феофана чрезвычайно кратко: ἀπὸ Μηλεῶνων τῆς Θράκης.

Чтобы определить, что скрывается под этими словами и что именно подразумевается под „Милеоном“<sup>10</sup>, необходимо привлечь и другие сведения о южной границе Болгарии в рассматриваемый период, тем более что слово „Милеоном“, обычно понимаемое как географическое название, до сих пор остается неустановленным.

Иречек сближает Μηλεῶνα с позднейшим Месомильсцием в Парории, пограничной области между Болгарией и Византией в XIV в.<sup>11</sup> Название Месомильсций известно как наименование пещеры в староболгарском переводе жития Григория Синаита от XV в.<sup>12</sup>, но не встречается у византийских авторов. Μηλεῶνα тоже не встречается ни у одного автора, кроме как в единственном месте у Феофана — в форме Μηλεῶνων. Предположение Иречека основано на случайном и к тому же вовсе не близком сходстве названий Μηλεῶνα и Месомильский, одно из которых относилось к южной границе Болгарии в VII—VIII вв., а другое — к границе Болгарии и Византии в XIV в. От „Месомильсций“ Иречек производит греческое „Месомилеон“. И хотя это название вообще не встречается ни у византийских, ни у древнегреческих авторов, Иречек пишет: „Название Месомилеон напоминает нам название фракийского города Милеоном, возле которого болгары в 716 и 812 г. стремились установить свои границы с Византией“<sup>13</sup>. На это можно было бы возразить, что, согласно договору от 716 г., болгары не стремились иметь, а имели свою южную границу у так называемой Милеоны и что эта граница ни в коем случае не могла совпадать с границей Болгарии XIV в., о которой говорится в житии Григория Синаита и его ученика Феодосия Тырновского. Несмотря на необоснованность, предположение Иречека было воспринято Златарским, который считал, что Милеоному нужно искать «на одной из вершин групп „Голямо“ и „Малко-манастирски“ в северных предгорьях Балканского хребта, к северу от Каваклия»<sup>14</sup>.

Gemblacensis Prolegomena. PL, t. 100, col. 21—22; W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen in Mittelalter, II. Berlin, 1874, p. 161; MGH, SS, XXIII, p. 707). Кроме того, в именнике протоболгарских ханов выпущено имя наследника Тервеля. (В. Златарски. Ук. соч., т. I, 1, стр. 379, 381), и поэтому Златарский считает, что за Тервелем правил „неизвестный“ (там же, стр. 191, 378 и сл.; St. Ruspitan. Op. cit., p. 34—35). Очевидно, что этот болгарский хан, обозначаемый до сих пор как „неизвестный“, и есть наследник Тервеля Кормисий. Сошлемся также на нижнюю часть надписи у Мадарского всадника, которая, согласно дополнениям Бешевлиева, содержит упоминания о Кормисии (Κρομμει[σις]) и в которой читается часть слова ΡΕΝΗ („Мадарский конник“, стр. 54), что может быть дополнено как ΕΙΡΗΝΗ (εἰρήνη) — мир. Ср. Г. Михайлов. Мадарский конник, стр. 48, II и В. Бешевлиев. Надписите..., стр. 82.

<sup>9</sup> Theoph., p. 497, 15—26.

<sup>10</sup> В тексте Феофана слово дано в gen. pl.: Μηλεῶνων. Издатель Феофановой хронографии Де Боор принимает, что это имя звучало как Μηλεῶνα: „Μηλεῶνα oppidum ut videtur Thraciae in Romanorum Bulgarorumque confinio situm“ (II, p. 671).

<sup>11</sup> К. Иречек. Княжество България, т. II. Пловдив, 1899, стр. 700—701; его же. Archäologische Fragmente..., p. 142—143.

<sup>12</sup> К. Иречек. Княжество България, т. II, стр. 701.

<sup>13</sup> Там же, стр. 701—702.

<sup>14</sup> В. Златарски. Ук. соч., т. I, 1, стр. 179.

В. Бешевлиев, отвергнув отождествление Милеоны с Месомильсцием, пытается, как Иречек и Златарский, найти Милеону где-нибудь на современной болгаро-турецкой границе. Он считает, что Μηλεώνων — это название села Μηλεών, множественное число от которого Μηλεῶες. Это название, по его мнению, образовано от ἡ Μηλέα — яблоневый сад (как, скажем, ἀμπέλων — виноградник — от ἀμπελος — лоза и ἐλαίων — маслиновая роща — от ἐλαία — маслина), и этим селом, на его взгляд, должно быть одно из сел на современной болгаро-турецкой границе (и ныне называемое Верхнее или Нижнее Яболково — старый Амалий, Амалджик)<sup>15</sup>.

Несмотря на то, что это отождествление Бешевлиева в этимологическом отношении лучше обосновано, чем предположения Иречека и Златарского, все же и оно не отвечает действительному положению вещей. Прежде всего представляется странным, что село Μηλεών или Μηλεῶνες, которое являлось пограничным пунктом между Болгарией и Византией с 716 по 812 гг., и которое вследствие этого должно было бы играть немаловажную роль в болгаро-византийских политических отношениях того времени, не встречается, за исключением единственного места у Феофана, ни в одном источнике, ни у византийских авторов, ни в каком-либо другом письменном памятнике. Кроме того, если встать на точку зрения де Боора, Иречека, Златарского и Бешевлиева, согласно которой Милеона — населенный пункт то остается открытым вопрос о полном и точном определении южной болгарской границы того времени, так как указанием только на одно село не может быть определена граница на всем ее протяжении. Наконец, сохранившиеся письменные источники свидетельствуют о том, что болгаро-византийская граница VII—VIII вв. далеко не совпадала с современной болгаро-турецкой границей, где помещается Иречек, Златарским и Бешевлиевым так называемая Милеона. Мы располагаем достаточными данными источников, чтобы установить, где проходила южная граница Болгарии в VIII в.

1. Под 6251 г. (760 г. н. э.) Феофан сообщает, что император Константин Копроним отправился в поход против болгар и что, „когда он дошел до ущелья Верегава, выступили против него болгары, убили много его воинов... и взяли их оружие“<sup>16</sup>.

2. Под 6256 г. (765 г. н. э.) Феофан рассказывает, что Константин Копроним вновь отправился в поход на болгар и, достигнув горных проходов (так называемые клисуры), незащищенных вследствие „многого мира“, вторгся в Болгарию<sup>17</sup>.

3. Какие проходы или клисуры подразумевает Феофан, нам показывает свидетельство патриарха Никифора о предпринятом приблизительно в то же время походе императора в Болгарию: „Константин подошел с остальным войском совсем близко к болгарской земле и расположился станом у так называемых проходов Веригавы“<sup>18</sup>. Именем „Веригавы“ патриарх Никифор обозначает известное нам по Феофану „ущелье Верегава“ — один из восточных проходов Балканского хребта, близко от которого жили северяне, перемещенные Аспаруховыми болгарскими на восток, чтобы они охраняли соседние с Византией области.

<sup>15</sup> V. Beševlijev. Les inscriptions... p. 245.

<sup>16</sup> Theoph., p. 431, 6—11. Златарский датирует этот поход 759 г. (ук. соч., т. I, 1, стр. 206). Необходимо, однако, иметь в виду, что хронология у Феофана от 609 до 775 г., исключая период 714—726 гг., стсгает на один год. G. Ostrogorsky. Die Chronologie des Theophanes im VII und VIII Jahrhundert. BNJ. VII, 1928/9, 1—2, S. 1—8.

<sup>17</sup> Theoph., p. 436, 20—23.

<sup>18</sup> Niceph., p. 73, 10—14

Итак, из сообщения Никифора мы узнаем, что Веригава находилась непосредственно рядом с землями болгар, а из свидетельства Феофана видно, что, перед тем как вторгнуться в Болгарию, византийским войскам нужно было пройти через клисуры, т. е. горные теснины или проходы восточной части Балканского хребта. Сопоставление этих данных ясно обнаруживает, что во второй половине VIII в. земли к югу от этого хребта не входили еще в пределы Болгарского государства.

Из истории патриарха Никифора нам известно, что Константин Копроним начал переселять во Фракию колонистов-сирийцев и армян, которых обеспечил всеми необходимыми условиями существования<sup>19</sup>. Болгары, видя, что эти места застраиваются (превращаются в города), просили императора, чтобы население этих мест платило дань<sup>20</sup>. Когда император не согласился, болгары нахлынули во Фракию и разорили фракийские села. Император выступил им навстречу, нанес им полное поражение и обратил в бегство. Не без связи с этим событием Константин Копроним предпринял около 756 г. большой морской и сухопутный поход против Болгарии. 500 кораблей были посланы вдоль берега Понта к Дунаю и нанесли большой ущерб придунайским областям Болгарии. Сам император, добавляет автор, во главе своей сухопутной армии встретился с болгарскими войсками при Маркели — крепости, расположенной совсем близко от территории болгар<sup>21</sup>.

Эти сведения имеют очень большое значение для определения южной границы Болгарии в интересующий нас период. Из них явно вытекает, что крепость Маркели, которая, согласно Анне Комниной, находилась между Ямболом и Голое<sup>22</sup>, располагалась в непосредственной близости от болгарской границы, но не входила в пределы Болгарского государства. С другой стороны, на основании рассказов как патриарха Никифора, так и Феофана об этом событии можно заключить, что некоторые из воздвигнутых по этому случаю крепостей были расположены непосредственно возле болгарской границы и что болгары потребовали уплаты дани именно в связи с их постройкой. Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что эти крепости были построены во Фракии и что после отказа императора выплачивать дань болгары вторглись во Фракию<sup>23</sup>.

Из сообщения Феофана о походе, который предприняла в 784 г. императрица Ирина вместе со своим сыном императором Константином VI

<sup>19</sup> Nicerh., p. 66, 14—15: „τὰ εἰς τὴν χρεῖαν αὐτοῖς ἀνίχοντα φιλοτίμως δωρησάμενος“. П. Мутафчиев. (П. Мутафчиев. История на българския народ, т. I. София, 1948, стр. 130) считает, что сирийцы и армяне были поселены во Фракии с обязанностью охранять границы.

<sup>20</sup> П. Мутафчиев предполагает, что болгары стремились к увеличению размеров дани, выплачиваемой им византийцами по договору 716 г. (ук. соч., стр. 131). Златарский считает, что болгары требовали восстановления условий договора 716 г., об уплате византийцами дани, который, по мнению Златарского, был нарушен Константином Копронимом (ук. соч., т. I, 1, стр. 201).

<sup>21</sup> Nicerh., p. 66, 11—67, 3. Феофан (op. cit., p. 429, 20—26) сообщает об этом переселении под 6247 г. (755 г.).

<sup>22</sup> Анна Комнина. Alexias, ed. A. Reifferscheidei, vol. I. Lipsiae, 1884, p. 299. Крепость Голое была расположена на южном конце Чалыкавашского прохода возле теперешнего села Лозарево (раньше Комарево). Ср. В. Аврамов. Ук. соч., стр. 151—153; Д. Ангелов. События на операционните линии и осведомителната служба във войните и външнополитическите отношения между Византия и България през XII—XIV в. ИИД, XXII—XXIV, 1948, стр. 224.

<sup>23</sup> До последней четверти VII в. провинция Фракия входила в состав фракийского диоцеза, который охватывал следующие провинции: Европу, Родопу, Фракию, Хемимонт, Скифию и Нижнюю Мезию. (Notitia dignitatum, ed. Otto Seeck. Verolimi, 1876, p. 248). Между 670 и 686 гг. была создана фема Фракия, в состав которой входили земли бывшего фракийского диоцеза без Скифии и Нижней Мезии. (ср. P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale. Paris, 1945, p. 121).

во Фракию, следует, что города Верроя (теперь Стара Загора) и Анхиал, которые она укрепила, а также и Филиппополь находились на византийской территории<sup>24</sup>. От Феофана мы также узнаем, что в последнее десятилетие VIII в. крепость Маркели все еще находилась рядом с болгарской границей. В 792 г. в ней укрепился Константин VI и готовился к нападению на Болгарию, однако был разбит и изгнан болгарским ханом Кардамом<sup>25</sup>.

Маркели оставалась во власти Византии и в первые десятилетия IX в. Во время похода 811 г. Никифор со своим войском достиг в июле болгарской границы. Испугавшись многочисленного войска противника, болгарский хан Крум запросил мира, когда византийцы были еще в Маркели. Но Никифор отказал, и „после долгих блужданий по труднопроходимым местам этот наглый трус внезапно вторгся в Болгарию... Перед вторжением из Маркели бежал к Круму его верный приближенный Византий“<sup>26</sup>.

Известно также, что и Месемврия, которую Крум взял в 813 г., была византийской крепостью в первые десятилетия IX в.

Таким образом, мы располагаем совершенно ясными и недвусмысленными свидетельствами источников о том, что города к югу от главного Балканского хребта находились во власти Византии до начала IX в. С другой стороны, нет никаких данных о болгарских владениях — крепостях, городах или селах — во Фракии в этот период.

Некоторые византийские авторы (Георгий Монах, Кедрин, Лев Грамматик) сообщают, что Юстиниан II Ринотмет после того, как ему удалось вернуть власть с помощью болгарского хана Тервеля, „отрезав от ромейской земли область, называемую Загория, дал ее Тервелю“<sup>27</sup>. Об этом же свидетельствует и древнеболгарский перевод Хроники

<sup>24</sup> Theoph., p. 457, 6—10.

<sup>25</sup> Ibid., p. 467, 26—30; 470, 10—16. Иречек отождествляет Маркели с Карнобадским Хисарыком (Княжество Болгария, т. II, стр. 751); С. Archäologische Fragmente... , p. 158, n./22). Эта точка зрения воспринята Шкорпилом (К. Шкорпила. Окопы и земляные укрепления Болгарии. Приложение II. ИРАИК, X, 1905, стр. 564, 565) и Дж. Бьюри (Болгарии през IX в. и покръщането на славяните и българите. ИИД, кн. IV, 1915, стр. 112, прим. 1). Златарский, отождествляя границу с „земляным рвом“ (так называемым ерkesия) и учитывая сообщение Никифора, согласно которому крепость Маркели находилась близ болгарской границы, считает, что Маркели необходимо искать где-то близ ерkesии на византийской территории: „Принимая во внимание эти данные, мы считаем, что имеются большие основания искать крепость Маркели на вершине Бакаджик у села Войник, где и сейчас видны развалины старой крепости, причем она находилась на юге, у самого пограничного рва. Таким образом, географическое положение этой крепости и придавало ей то специфически важное стратегическое значение, которое она имела в VIII—IX вв. (Ук. соч., т. I, 1, стр. 204, прим. 1) Это определение местонахождения Маркели у села Войник исходит из необоснованного тезиса о совпадении границ в VIII—IX вв. с ерkesией. Что касается стратегического значения расположения крепости, на которое обращает внимание Златарский, то едва ли стратегическое значение вершины Бакаджик в Страдже более велико, чем значение Карнобадской крепости у южного выхода Чалыкавацкого прохода. В. Аврамов (ук. соч., стр. 197—200) опровергает эту точку зрения и высказывает некоторые дополнительные соображения в пользу отождествления Маркели с Карнобадским Хисаром. Это отождествление принято и в более новых исследованиях (ср. „Военно-исторически сборник“, год. XXV, 1956, кн. 4, стр. 5).

<sup>26</sup> Theoph., p. 490, 7—17.

<sup>27</sup> Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon... , ed. E. Murlat. Petropoli, 1857, p. 622; PG, t. 110, col. 905; Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae opre... , ed. I. Bekker. Bonnæ, 1838, p. 783, 14—18. Хроника Кедрина охватывает события от сотворения мира до 1057 г. О событиях с 811 по 1057 г. Кедрин переписывает сочинение Иоанна Скилицы. Одним из его источников является Георгий Монах (см. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I, p. 273; Leonis Grammatici Chronographia, ed. I. Bekker. Bonnæ, vol. I, 1842, p. 168, 12—16.

Симеона Логофета<sup>28</sup>. К сожалению, никто из этих авторов, которые пишут в одних и тех же выражениях и явно имеют один общий источник, не уточняет, где находилась та область, о которой идет речь в их рассказах.

Здесь необходимо обратить внимание на сообщение Георгия Монаха, что Загора была уступлена Юстинианом Ринотметом Тервелю. Это сообщение содержится только в так называемой расширенной редакции хроники Георгия Монаха, изданной Е. Муральтом<sup>29</sup> и переизданной Минем<sup>30</sup>.

В обоих этих изданиях дана более поздняя редакция хроники Георгия Монаха с интерполяциями<sup>31</sup>. В критическом издании К. де Боора<sup>32</sup> это свидетельство о Загоре вообще отсутствует. Именно вследствие этого мы имеем основание предположить, что сообщение о Загоре — это поздняя интерполяция, возникшая под влиянием событий 865 г., когда, согласно условиям заключенного тогда мира, область Загора действительно была уступлена Болгарии. Нетрудно догадаться, что и Кедрин, и Лев Грамматик, и Симеон Магистр, которые, как известно, черпали сведения из хроники Георгия Монаха, дословно переписали это место об уступке Тервелю Загоры из расширенной редакции хроники Георгия Монаха<sup>33</sup>.

Для того чтобы еще полней осветить болгаро-византийские отношения в период правления Тервеля, сделаем краткий обзор сохранившихся письменных источников того времени.

Неизвестный автор византийской хроники *Παρατάξεις συντομοί χρονικαί*, составленной между 742 и 746 гг.<sup>34</sup>, после описания статуи Юстиниана II Ринотмета, воздвигнутой в Константинополе после вторичного воцарения этого императора, сообщает: „Здесь часто бывал и Тервель (правитель) Болгарии... Здесь было выплачено немало даней (πάκτα) на месте, где находятся статуи узурпатора и его жены“<sup>35</sup>. Такого же рода сведения имеются и у Свиды, который под словом βασιλική сообщает: „Там Тервель говорил перед народом“<sup>36</sup>, а под словом βούλαροι отмечает, что Юстиниан II Ринотмет был данником болгарского хана<sup>37</sup>. Выплата такого рода дани деньгами или в форме подарков вовсе еще не означала, что Византия признавала себя бессильной или побежденной другими государствами или племенами. Это было только самым удобным средством поддержания мира<sup>38</sup>. Как мы уже говорили, Византия часто заключала подобного рода договоры и с другими „варварскими“ вождями<sup>39</sup>. Подобные договоры очень часто сопровождалась

<sup>28</sup> Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия, изд. В. И. Срезневский. СПб., 1905, стр. 740.

<sup>29</sup> Georgii Monachi... Chronicon... , ed. E. Muralt. Petropoli, 1859.

<sup>30</sup> PG, t. 110.

<sup>31</sup> Ср. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I, S. 278; А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 128—142.

<sup>32</sup> C. de Boor. Georgii Monachi Chronicon, I—II. Lipsiae, 1904.

<sup>33</sup> Ср. В. Бешевлиев. К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. ВВ, XVI, 1959, стр. 12—13.

<sup>34</sup> См. Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 233, 234.

<sup>35</sup> Th. Preger. Scriptores originum Constantinopolitanorum, I. Lipsiae, 1901, p. 39. Под узурпатором подразумевается Юстиниан II Ринотмет, который вторично захватил власть в 705 г. с помощью Тервеля.

<sup>36</sup> См. Suidae Lexicon, ed. A. Adler. Lipsiae, 1828—1838, s. v. βασιλική.

<sup>37</sup> Ibid., s. v. βούλαροι.

<sup>38</sup> См. об этом подробно у Дуйчева (Проучвания... , стр. 8).

<sup>39</sup> Никифор (op. cit., p. 12, 20—28) сообщает об одном гуннском правителе, который принял крещение в Константинополе, был удостоен звания патриция и со щедрыми дарами был отослан на родину. Ю. Кулаковский (Ю. Кулаковский. История Византии, т. III, Киев, 1915), предполагает, что этим правителем был Оркан, дядя Куврата, и датирует событие приблизительно 619 г.

щедрой раздачей даров и почетных титулов и почти никогда не были связаны с территориальными уступками.

Наиболее подробные сведения о событиях, относящихся ко времени Тервеля, нам дает „История“ патриарха Никифора, являющаяся одним из наиболее достоверных источников о древнем периоде болгарской истории. Никифор рассказывает, что Юстиниан II, бежав от хазар, отправил своего доверенного человека к Тервелю с просьбой „помочь ему (Юстиниану. — Г. Д.) вернуть царский престол, обещал ему (Тервелю. — Г. Д.) много даров и заявил, что даст ему дочь свою в жены“. Тервель „с готовностью согласился на все, принял Юстиниана с большими почестями, и, вооружив весь подвластный ему народ, двинулся с ним на столицу“. В течение трех дней Юстиниан стоял под стенами Константинополя, „призывая граждан признать его императором. Они же его отвергли с позорными ругательствами. Но он проник ночью в сопровождении нескольких лиц в город через водопровод, захватил его и в скором времени водворился во Влахернском дворце... Император удостоил большими почестями болгарского правителя Тервеля, который расположился вне Влахернской стены, призвал его к себе, надел на него царскую мантию и провозгласил его кесарем, и распорядился, чтобы он сидел рядом с ним на троне, приказав народу приветствовать его наравне с собой, а затем, дав ему много даров, отправил на родину“<sup>40</sup>. Как видно из приведенного рассказа, патриарх Никифор был знаком со всеми подробностями, касающимися восстановления Юстиниана II на престоле. Он последовательно сообщает все события, начиная от бегства Юстиниана и кончая воцарением его на константинопольском престоле. Юстиниан, согласно рассказу Никифора, просил Тервеля о содействии, обещая ему многие дары и дочь свою в жены. Но в предложенных императором условиях договора не было ни слова о территориальных уступках. И Тервель, охотно принявший предложения императора, не высказал со своей стороны никаких дополнительных требований. Таким образом, в этом подробном, последовательном и изобилующем деталями рассказе патриарха Никифора нет и малейшего намека на территориальное расширение Болгарии к югу от Балканского хребта. И нет никаких оснований предполагать, что автор сознательно умолчал о какой-то уступленной Болгарии области, так как ему вовсе не свойственно обходить молчанием слабые стороны правления Юстиниана<sup>41</sup>. Перед тем как занять патриарший престол, Никифор был императорским секретарем и хорошо знал государственные архивы<sup>42</sup>. Очевидно, что настолько сведущий в официальной политике Византии человек не преминул бы отметить, что Юстиниан наряду с другими дарами сделал Тервелю и территориальные уступки. Нельзя считать случайным и отсутствие упоминания об этом обстоятельстве у Феофана, который сообщает, что Юстиниан

<sup>40</sup> Niceph., p. 41, 27—42, 25. Слова „*τὸς παραγενομένου προς αὐτὸν ὑλάνια τε περιβαλλει βασιλικὴν καὶ Καισαρά ἀγαγοῦσεν, καὶ συμπαραθεῶν ποιηταίμενος προσκυνεῖσθαι αὐτῷ ὑπο τοῦ λαοῦ ἐκεῖ*“ (ibid., p. 42, 21—24) Элатарский ошибочно понимает в том смысле, что „Юстиниан пришел в лагерь болгар, надел на Тервеля царскую мантию и провозгласил его кесарем. После этого он приказал соорудить два одинаковых возвышения, на которых должны были воссесть оба правителя“ (ук. соч., т. I, 1, стр. 213). Верное толкование текста Никифора дает Кулаковский (ук. соч., т. III, стр. 287): „Водворившись на отчем троне, Юстиниан оказал высшие почести Тервелю, пригласив его в столицу, он облек его в царские одежды, посадил рядом с собой“ и пр.

<sup>41</sup> Никифор, например, подробно повествует о жестокостях и зверствах Юстиниана после его вторичного воцарения: „Он совершал много убийств и несправедливостей по отношению к своим подданным. Назначал правителей и сразу же посылал кого-нибудь, чтобы их убить, обманом убивал тех, кого приглашал на угощение, других, заманив в ловушку, сбрасывал в морские глубины“ (Niceph., p. 43, 1—6).

<sup>42</sup> Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I, S. 456—457.

обещал Тервелю большие и богатые дары и дочь свою в жены и, придя к власти, дал болгарскому хану много подарков и царские инсигнии<sup>43</sup>.

О браке между Тервелем и дочерью Юстиниана византийские авторы умалчивают, и он, вероятно, не состоялся, однако само предложение Юстиниана показывает, что он с самого начала имел намерение официально признать власть болгарского правителя, что он и сделал позднее, надев на него царскую мантию и удостоив титула кесаря<sup>44</sup>.

На основе приведенного выше сведения Симеона Логофета и Георгия Монаха, согласно которому Юстиниан после своего вторичного воцарения „отрезал часть от Ромейской земли и дал ее Тервелю“, Баласчев<sup>45</sup> и Златарский<sup>46</sup> считают, что Феофан и Никифор умалчивают о некоторых условиях соглашения между Тервелем и Юстинианом и что Тервелю была тогда уступлена область Загора. Согласно Златарскому, эта область находилась „между Стара Планина и пограничным окопом-ерхесией и между городом Сливеном и Месемврией“. Это было „первое территориальное расширение Болгарского государства во Фракии“

Однако в результате произведенного анализа данных источников мы видим, что не только Феофан и Никифор, но и другие византийские авторы ничего не говорят о территориальном расширении Болгарского государства во Фракии. Другие ученые, принимая во внимание, что южная граница Болгарии во второй половине VIII в. не заходила за главный Балканский хребет, считают, что область Загора, уступленная болгарам при Тервеле, была потеряна ими в период правления Константина Копронима и болгарская граница вновь переместилась к восточному хребту Балкан<sup>47</sup>.

Такая точка зрения имеет целью примирить имеющиеся данные о состоянии южной болгарской границы в VIII в. с тезисом о расширении Болгарии к югу от главного Балканского хребта при Тервеле. Но и эту гипотезу о приобретении и утрате болгарских владений во Фракии нельзя признать обоснованной, поскольку нет никаких достоверных сведений о болгарских землях к югу от главного Балканского хребта в VII—VIII вв. Напротив, все данные источников говорят, что официальная болгаро-византийская граница ни при Тервеле, ни при Круме не включала южных отрогов Балкан.

Поэтому *Μηλεσιών* нельзя отождествлять ни с Месомильсцием в южных отрогах Сакары, ни с Верхним или Нижним Яболковым на со-

<sup>43</sup> Theoph., p. 374, 1—2). Принято считать, что данные о событиях VII—VIII вв. Феофан и Никифор черпали из одного и того же источника. (См. Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 456—457, 539f.). Однако рассказ о событиях, связанных с Тервелем, существенно отличается у Никифора и Феофана, что свидетельствует о том, что патриарх Никифор имел под рукой еще и другой источник, которого не было у Феофана.

<sup>44</sup> В. Златарский (ук. соч., т. I, 1, стр. 168, 167) справедливо рассматривает эту церемонию, устроенную Юстинианом после его победы, как признание царского достоинства болгарского хана. Рэнсимен (op. cit., p. 31) считает, что Тервель, принимая титул кесаря, следующий после императорского титула в византийской иерархии, добровольно признал себя вассалом византийского императора. Такое понимание, однако, односторонне и недостаточно обосновано. Автор забывает о характере тех почестей, которых удостоился Тервель в Константинополе. Острогорский (G. Ostrogorsky. Geschichte..., S. 115) справедливо отмечает, что „этот первый случай, когда иностранный правитель получал этот славный титул, который хотя и не давал его обладателю прав на императорскую власть, но предоставлял ему известное участие в императорских почестях“.

<sup>45</sup> Г. Баласчев. Ук. соч., стр. 57—61.

<sup>46</sup> В. Златарский. Ук. соч., т. I, 1, стр. 165, 170.

<sup>47</sup> Г. Ф. Гердберг. История Болгарии. М., 1877, стр. 123; K. Hopf. Griechische Geschichte. Ersch und Grubers Encyclopädie, XXXV, p. 219, 220; П. Мутафчиев. Ук. соч., т. I, стр. 131; V. Beševliev. Les inscriptions..., p. 216.

временной болгаро-турецкой границе. Необходимо также еще раз подчеркнуть, что название Милеона (или Милеони) не засвидетельствовано никаким другим византийским или болгарским источником. Если бы Милеона являлась названием города или крепости, то (раз она приведена в качестве исходной точки для обозначения границы) следовало бы ожидать упоминания хотя бы еще одного пункта, а этого нет ни в одном источнике. Чтобы объяснить это слово, необходимо принять во внимание, что в византийском греческом языке в период раннего средневековья встречается очень много латинских заимствований. И сам Феофан часто употребляет грецизированные латинские формы с греческим окончанием (например „Βόνοςφ“<sup>48</sup>, что соответствует латинскому „bono“ „ἀρατα“<sup>49</sup> — от „arata“ и т. д.) Вполне возможно допустить и в данном случае, что ἀπό Μηλεώνων τῆς Θράκης употреблено вместо ἀπό μιλίων τῆς Θράκης и, следовательно, должно быть истолковано от латинского milia — „милевые знаки“ — как „от милевых знаков Фракии“.

Напомним, что обычай ставить на дорогах милевые камни, которые обозначают расстояние подобно современным указателям, ведется еще от римского времени. Камни ставились через каждые 10 стадий (или одну милю). Милевые камни от I в. н. э. найдены во Фракии вдоль военных дорог<sup>50</sup>.

В III в. н. э. южная граница провинции Фракии шла по правому берегу реки Камчия, а в начале IV в. она подходила уже близко или сливалась с естественной границей — Балканским хребтом<sup>51</sup>. Эта граница сохранилась и позднее, когда по новому военно-административному устройству Византии в последние десятилетия VII в. была создана тема Фракия<sup>52</sup>.

В таком случае можно было бы предположить, что южная болгарская граница с начала VII до начала IX в. была близка к естественной границе между Фракией и Нижней Мезией. Болгария того времени простиралась к северу от „милиарных камней“ вдоль пути, который шел вдоль южных отрогов Балканского хребта через Месемврию — Анхиало — Аетос (теперь — Айтос), Фермопол — Голое (близ теперешнего села Лозарево) — Твырдицу (теперь село под тем же названием) — Крын (крепость возле современного Казанлыка) — Копсис (Карловское поле)<sup>53</sup>. Эта точка зрения подтверждается также и надписью „ὄροι“ (границы) на пограничном камне, найденном в южной оконечности Чалыкавацкого прохода, т. е. на самой границе, в километре к югу от Комарево (теперь село Лозарево)<sup>54</sup>. В подписи на этом камне, по всей вероятности, речь идет именно об этой границе. Следовательно, под выражением ἀπό Μηλεώνων τῆς Θράκης у Феофана подразумевается не одно село, которое до настоящего времени разыскивают далеко к югу на современной болгаро-турецкой границе и которое само по себе никак не могло определить всей границы.

От греческого μίλιον и латинского mille, miliaris образовывались и другие названия мест в Римской и Византийской империи. Так, напри-

<sup>48</sup> Theoph., p. 303, 4, 5.

<sup>49</sup> Ibid., p. 413, 11.

<sup>50</sup> Ср. O. Hirschfeld. Kleine Schriften. Berlin, 1913, p. 714, 715. М. Мирчев. Латински епиграфски паметници от Черноморието. „Известия на Варненското археологическо дружество“, IX, 1952—1953, стр. 73—75.

<sup>51</sup> См. Б. Геров. Северната граница на провинции Тракия, ИБАИ, XVII, 1950, стр. 29.

<sup>52</sup> P. Lemerle. Op. cit., p. 121.

<sup>53</sup> См. Д. Ангелов. Съобщителни операционните линии. . . , стр. 224, 225.

<sup>54</sup> См. Ат. Игнатиев. Границето при с. Комарево Карнобадско. ИБАИ, I, св. 2, 1921—1922, стр. 214; ср. В. Аврамов. Ук. соч., стр. 153.

мер, готский историк Иордан упоминает реку *Milliare* в Паннонии<sup>55</sup>. Среди городов в диоцезе Илирик Прокопий называет селище *Μιλιάρενα*<sup>56</sup>, название это представляет греческую транскрипцию латинского *milliaria* от *Milliaricus*<sup>57</sup>. В центре Константинополя находилась триумфальная арка, известная под именем *Μίλιον*, о которой часто упоминает и Феофан. В Нумидии имелся город под названием *Μήλεον* или *Μίλεον*, который был укреплен Юстинианом I. Тот же корень мы находим и в *Μηλεώνα*, что в данном случае означает милевые камни Фракии.

Можно было бы возразить, что Крум едва ли согласился бы ограничить Болгарское государство южными отрогами главного Балканского хребта. Однако необходимо проводить различие между завоевательными походами Крума и постоянной территорией Болгарии во время его правления.

Мы точно знаем, что города Месемврия, Анхиал и Деветл, которые, как это обычно считают, входили в состав Загоры, не были болгарскими ни при Круме, ни до него<sup>58</sup>. В 763 г. Константин V Копроним нанес крупное поражение хану Телецу при Анхиале<sup>59</sup>. В этом же году наследник Телеца хан Сабин был обвинен в проведении провизантийской политики и бежал в Месемврию, где он перешел на сторону императора<sup>60</sup>.

В 812 г. Крум отправил к императору Михаилу I послов с предложением о мире и угрожал ему, что, если предложение будет отвергнуто, он нападет на Месемврию. Так как император не согласился на мир, Крум взял Месемврию с помощью осадных машин. Вместе с Месемврией в руки болгар попал и Деветл. Здесь болгары нашли 36 медных сифонов так называемого жидкого огня, а также много золота и серебра<sup>61</sup>. Очевидно, эти крепости были только временно взяты и разграблены, но не перешли еще в этот период окончательно под власть болгар<sup>62</sup>.

То же самое можно сказать и относительно овладения Крумом в 813 г. крепостями, расположенными между Одрином и Константинополем, из которых он увел многих пленных и захватил богатую добычу<sup>63</sup>. Захватив и разрушив эти крепости, болгарский хан оставил их, не присоединив в административном отношении к своему государству и не оставив в них представителя своей власти. Нельзя не учитывать также и того обстоятельства, что Византия отвергла все многократные предложения о мире, делавшиеся Крумом в промежуток времени между 811 и 813 гг.<sup>64</sup>. В этих постоянно возобновляемых со стороны болгар-

<sup>55</sup> *Jordanis Getica*. MGH, Auct. ant., vol. I, pars 1, 1882, p. 114.

<sup>56</sup> *Procopii Caesariensis De aedificiis*, rec. J. Hauray, vol. III, 2. Lipsiae, 1913, p. 123, 10.

<sup>57</sup> Ср. „Гръцки извори за българската история“, т. II. София, 1958, стр. 162, бел. 7.

<sup>58</sup> Рэнсимен (op. cit., p. 31) принимает, что Византия уступала Тервелю область Загора без городов Месемврия, Анхиало и Деветл.

<sup>59</sup> *Theoph.*, p. 433, 1—14. Автор сообщает об этих событиях под 6254 г. (как уже было отмечено выше, хронология Феофана для данного периода отстает на один год. Ср. примечание 16 к стр. 127).

<sup>60</sup> *Theoph.*, p. 433, 16—21.

<sup>61</sup> *Ibid.*, p. 437, 16—439, 15.

<sup>62</sup> Точно так же в 809 г. Крум взял Сердику, но, сравнив с землей ее стены, вынужден был отойти, и город снова отошел под власть Византии. Император Никифор I, занявшись восстановлением разрушенной Сердики, отказался амнистировать военачальников, признавших себя побежденными Крумом, чем вызвал против себя большое недовольство (см. *Theoph.*, p. 485, 4—22).

<sup>63</sup> *Ibid.*, p. 500, 31—503, 25; ср. *Scriptor incertus*, in: *Leonis Grammatici Chronographia*, p. 337, 23—346, 15.

<sup>64</sup> Во время похода Никифора в Болгарию в 811 г. Крум предлагал ему мир и до его вторжения в Болгарию, и после того, как Никифор сжег столицу Крума (*Theoph.*, p. 497, 16—18). В 812 г. Крум предлагал мир императору Ми-

ского хана предложениях о мире сквозит его упорное желание добиться признания и подтверждения со стороны Византии его власти над подчиненной ему территорией.

О том, что южная граница Болгарии еще и в начале второй половины IX в. проходила по южным склонам Балканского хребта, совершенно определенно говорят и сведения Продолжателя Феофана, Псевдо-Симеона Логофета, Скилицы и Зонары.

Согласно Продолжателю Феофана, болгарский князь Борис, после того как он принял христианство, обратился к византийской императрице Феодоре<sup>65</sup> с просьбой дать ему землю, так как народ его сильно возрос. „А она выслушала его благосклонно и дала ему ненаселенную область Сидеры до Девелта, которая тогда служила границей между ромеями и болгарами. Эта (область) теперь называется у них Загора“<sup>66</sup>. С небольшими изменениями то же самое сообщает Скилица и Псевдо-Симеон Магистр<sup>67</sup>. Более точные данные относительно уступленной болгарам Византией области сообщает Зонара: „А после этого болгарский князь отправил послов к императрице, прося, чтобы ему была уступлена ромейская земля, поскольку народ его находился в стесненном положении, и обещал вечный мир и союз с ромеями. Императрица выслушала его мольбу и уступила ему область от так называемой Сидеры, которая в то время разделяла земли болгаров и ромеев, до Девелта. Болгары, взяв эту область, назвали ее Загора“<sup>68</sup>.

Итак, согласно свидетельствам упомянутых авторов, область между Сидерой и Девелтом была названа болгарами Загорой после присоединения ее к Болгарии. Особенно это подчеркнuto у Зонары и Скилицы, на свидетельства которых до сих пор не обращалось должного внимания. Обычно считали, что рассматриваемая область называлась Загора еще до того, как она была дана болгарам<sup>69</sup>.

Таким образом, и продолжатель Феофана, и Псевдо-Симеон Магистр, и Скилица, и Зонара сообщают о том, что после принятия христианства Болгария получила область от Сидеры, которая тогда

хаилу I Рангаве через посредство славянского вельможи Драгомира (*ibid.*, p. 497<sup>16</sup>—18). На следующий год Крум предлагал мир перед стенами Константинополя императору Льву V Армянину, но и на этот раз предложение его было отвергнуто (*ibid.*, p. 503, 14—17).

<sup>65</sup> Феодора была матерью и регентшей Михаила III (842—867).

<sup>66</sup> Theophanes Continuatus. Вонпае, 1838, p. 165, 2—6: „η δε ευμενως τε ηρωσεν αυτου, και δεδωκεν ερμηην ουσαν τρικαυτα την απο της Σιδηρας, ταυτης δε τοτε οοιον τυγγανουσης Ρωμαιωι τε και αυτων, αγρι της Δεβελτου, ητις ουτω καλειται Ζαγορα παρ' αυτοις“.

<sup>67</sup> Simeonis Magistri Chronographia, in: Theoph. Cont., p. 666, 1—7. Согласно известию Псевдо-Симеона Магистра, Борис обратился с просьбой о земле к самому императору Михаилу III, тогда как, согласно Продолжателю Феофана, Скилице и Зонаре, просьба Бориса была направлена матери—регентше Феодоре.

<sup>68</sup> Joannis Zonarae Epitome historiarum, ed Th. Buttner-Wobst, vol. III Вонпае, 1877, p. 389, 3—9: „Ετα διαπρεβευσατο ο τουτων εξαρχων προς την βασιλισσαν αιτων ηης αυτο παραχωρηθηναι Ρωμαιικης στενοχωρεισθαι γαρ το εθνος αυτου, και αιδιους σπονδας προς Ρωμαιοις και ομαυχμιαν επαγγελλομενος. και η βασιλις την αιτησιν εξεπληρωσε και οι της απο λεγομενης Σιδηρας παρεχωρησε χωρας, η τα Ρωμαιων και Βουλγαρων διωριζε περι, μεχρι της Δεβελτου“.

<sup>69</sup> Поскольку данные, сообщаемые Скилицей и Зонарой, противоречат точке зрения Златарского, он считает, что эти авторы исказили свой первоисточник. (В. Златарски. Ук. соч., т. II, стр. 2—3, бел. 5; ср. е го же. Известията за Българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета. „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. XXIV, 1908, стр. 70, прим. 1). Относительно свидетельства Зонары, что Сидера была пограничным пунктом „до того“ (πρι, т. е. до того, как она была уступлена болгарам), Златарский считает, что „до того“ относится не к тому времени, о котором рассказывает автор, а к XII в., когда писалась хроника Зонары. (там же, стр. 69). Однако в упомянутом отрывке Зонара говорит о событиях IX, а не XII в. Подобного рода рассуждения направлены на то, чтобы подтвердить заранее предвзя-

находилась на болгаро-византийской границе, до Дежелта. Местонахождение этой области, однако, до сих пор остается спорным. Иречек считает, что это область „у подножия Балкан, которая простирается от Сидерского прохода (один из Сливенских проходов) до приморского города Дежелта<sup>70</sup>.

Относительно месторасположения Сидеры, которую византийцы упоминают как пограничный пункт между Болгарией и Византией, Иречек считает, что Σιδηρᾶ, πύλαι Σιδηραῖ у византийских авторов IX—XII в. можно отождествить с Βερεγᾶβα, ἐμβολή Βεργᾶβων у Феофана и Никифора<sup>71</sup>.

Златарский, исходя из данных византийских авторов об области Загора, расположенной между Сидерой и Дежелтом и уступленной Болгарии после принятия ею христианства, распространяет это географическое определение и на Загору, упоминаемую у Георгия Монаха и Симеона Логофета, которая, согласно этим авторам была предоставлена Тервелю Юстинианом II Ринотметом и месторасположение которой неизвестно. Златарский полагает, что Юстиниан Ринотмет после вторичного овладения престолом, кроме многих подарков, передал Тервелю и целую ромейскую область, которая в то время называлась Загория, т. е. „страна между восточной частью Балканского хребта и пограничным окопом-еркесией и между городом Сливеном и Месемврией“<sup>72</sup>.

Определяя таким образом границы переданной Юстинианом II Ринотметом Тервелю области, Златарский попадает в затруднительное положение при определении местонахождения уступленной Борису области между Сидерой и Дежелтом, которая охватывает тот же самый район. Он допускает, что в известиях Продолжателя Феофана, Скилицы, Псевдо-Симеона Магистра и Зонары имеются „некоторые исторические несообразности, которые заставляют нас усомниться, если не в самом известии, то по крайней мере в точности географического определения уступленной области“<sup>73</sup>. Далее он, однако, приходит к выводу, что „известие Продолжателя Феофана не только не соответствует данным о Фракийской границе между Болгарией и Византией в IX в., но и вообще не может быть признано за достоверное“<sup>74</sup>. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, Златарский вынужден уступленную болгарам после принятия ими христианства область искать в других местах: „Обычно Сидеру искали, как это было указано, к северу от Дежелта, в восточной части Балкан, упустив из виду,

<sup>70</sup> К. Иречек. История болгар. Одесса. 1877, стр. 188.

<sup>71</sup> К. Jirgёk. Archäologische Fragmente, стр. 157—158. По вопросу о южной границе Болгарии Иречек приводит данные, сообщаемые более поздними греческими авторами, которые считали Гем—Балканы—действительной границей империи (К. Иречек. Княжество България, т. II, стр. 684).

<sup>72</sup> В. Златарски. Ук. соч., т. I, 1, стр. 170. Давая такое определение уступленной Тервелю Загории, Златарский ссылается на Иречека („Arch. Fragmente“, стр. 157—158), 166—167 и „Княжество България“, т. II, стр. 750), который, однако, в этих указанных Златарским местах, говорит только о Веригаве, Сидере, Маркели и Дежелте, не связывая их с Загорией. К тому же он отождествляет Сидеру с Берегавой (Чалыкавашский проход), в то время как В. Златарский („История“, т. I, 2, стр. 3) идентифицирует Сидеру с вершиной Демир Капу в Страндже. Против идентификации вершины Демир Капу в Страндже с Сидерой византийских авторов выступает П. Мутафчиев. Он полагает, что вопрос о болгаро-византийской границе во Фракии остается открытым. (П. Мутафчиев. Маджарите и българовизантийските отношения през трета четврт на X в. ГСУ, ист.-филол. фак., XXXI, 8, 1935, стр. 35, прим. 2).

<sup>73</sup> В. Златарски. Известията за българите в хрониката на Метафраста и Логогета, стр. 65.

<sup>74</sup> Там же, стр. 63. Златарский имеет в виду данные Сюлейман-Къейской надписи. Однако большая часть упомянутых в этой надписи мест не может быть с точ-

что византийский хронист давал пункты своего географического определения последовательно, начиная от близких к нему пунктов и продвигаясь к более отдаленным. Продолжатель Феофана в вышеприведенной выдержке, определяя область, которая была уступлена Борису, двигался, несомненно, с юга на север. Следовательно, Сидеру, которую он берет в качестве крайней южной точки области, нужно искать не на севере, а на юге от Девелта, и мы ее находим на современном Демир Капу, одной из западных вершин Странджа планины, к северу от Лозенграда, у села Ковчаз, в качестве другой крайней точки (северной) он указывает город Девелт, который оставался византийским и после 863 г.<sup>75</sup>

Итак, Златарский считает, что существовали две различные области — Загория и Загора<sup>76</sup>. При этом, определив местонахождение Загории между Восточными Балканами и Месемврией<sup>77</sup>, он ссылается на сведения византийских авторов об области Загоре, расположенной между Сидерой и Девелтом, относя уступку этой области Болгарии ко времени Тервеля. Затем, рассматривая сведения о Загоре, данной Болгарии после принятия христианства, он ее перемещает на юг и совершенно необоснованно отождествляет Сидеру с вершиной Демир Капу в Страндже, в то время как ни у одного из византийских авторов не говорится о вершине. Кроме того, отождествление Сидеры с Демино Капу противоречит тому факту, что Σιδερά κλεισόβρα, согласно Анне Комнине, расположена только в нескольких часах пути от Голое; крепости, о которой точно известно, что она находилась у южного выхода современного Чалькавишского прохода. И, наконец, линия Демир Капу (близ села Ковчаз, севернее Лозенграда) — Девелт не могла служить в качестве определения болгаро-византийской границы, так как она пересекает эту границу в одной точке, тогда как линия Сидера (один из восточных проходов главного Балканского хребта) — Девелт проходит с запада на восток и определяет пограничную область между Болгарией и Византией.

Итак, данные источников нам говорят, что, хотя и Болгария настойчиво расширялась к югу от Балкан, это расширение было признано Византией только после принятия Болгарией христианства, т. е. после 865 г. До этого болгарские ханы совершали частые набеги на византийскую территорию, брали и разрушали многие византийские крепости и города и вновь возвращались на свою территорию. Согласно сообщениям византийских авторов, область, находящаяся между линией

<sup>75</sup> Там же, стр. 69. В примечании 2 на той же странице автор добавляет, что Сидера, которую он отождествляет с Демир Капу на Страндже, есть та же самая Σιδερά κλεισόβρα, около вершины которой, согласно Анне Комниной, Алексей II Комнин в 1074 г., после того как он отразил куманов, провел целую ночь, а утром на другой день взял крепость Голое. Чтобы можно было более точно определить местонахождение Сидеры и крепости Голое, а также и расстояние между ними, приведем слова Анны Комниной: „Император, застигнув их у прохода Сидеры (Σιδερά κλεισόβρα), многих перебил, а еще большее число пленил. Высланные же вперед куманы, произведя полное разорение, отошли. Император, проведя целую ночь возле вершины холма у прохода Сидеры, утром взял Голое“ (Анна Κομνηνα. Alexias, ed. Reiferscheidei, vol. II, p. 71, 25—31). Известно, что Голое, согласно определению Идриси, лежит на пути из Анхиало в Сливен (ср. W. Tomaschek. Zur Kunde der Hämuschalbinsel, II. Wien, 1887, p. 34—38; K. Jireček. Arch. Fragmente, p. 158). Следовательно, Алексей Комнин не мог за несколько часов поспеть с войском от вершины Демир Капу на Странджа до крепости Голое. Кроме того, Анна Комнина говорит о железной клисуре (Σιδερά κλεισόβρα), а не о железной вершине. Значит, если принять во внимание буквальное свидетельство Анны Комниной, надо полагать, что Златарский неправ, ища Сидеру на вершине Демир Капу на Странджа планине.

<sup>76</sup> В. Златарски. Известията за българите..., стр. 66—68.

<sup>77</sup> В. Златарски. История..., т. I, 1, стр. 170.

Сидера—Девелт и тогдашней границей, была названа болгарами Загорой после присоединения ее к Болгарии<sup>78</sup>.

Название Загора (Загория — это грецизированная форма) славянское и означает „земля за горой“. Это название сохранило старое славянское слово „гора“, которое встречается и в названии Средна-гора. В болгарских и византийских средневековых памятниках мы очень часто встречаем название Загора, Загория в применении к различным областям Северной и Южной Болгарии и Македонии<sup>79</sup>, а чаще всего как название всей Придунайской Болгарии<sup>80</sup>. Так, например, в грамоте Ивана Асеня II, данной дубровницким купцам в 1230 г., Загория упоминается в значении Придунайская Болгария: „До Тырнова и по всему Загорию“<sup>81</sup>. В „Службе св. Ивана Рильского 19 октября“<sup>82</sup> повествуется о перенесении мощей святого в „Загорие, в град Трапезице“<sup>83</sup>. В житии св. Ромила Видинского рассказывается, как он „вышел из Парории и вернулся в Загору“<sup>84</sup>. В соборном акте охридского архиепископского собора (1217—1220) говорится о рукоположенных в Загоре епископах болгаргах, как обозначались тырновские архиепископы<sup>85</sup>.

В некоторых древних житиях под Загорой подразумевается вообще вся Болгария. Так, например, в житии св. Савы Иван Асень II называется Загорским царем: „из Константинополя он отплыл на корабле и морем направился к стране Загорской, желая увидеть... царя Асеня Загорского“<sup>86</sup>. Из византийских авторов Никита Хониат несколько раз употребляет название Загора в качестве синонима Болгарии и даже называет Калояна *ἄρχων τῆς Ζαγόρας* — князь Загоры<sup>87</sup>. Кодин также, сообщает, что во время Исака Ангела вспыхнуло восстание болгар и влахов в Загоре<sup>88</sup>.

Из всего сказанного ясно, что Загорой называлась вначале область к северу от Балканского хребта, на территории которой возникло Болгарское государство. По договору между Аспарухом и Константином Погонатом, заключенному в 680 г., Византия обязывалась только

<sup>78</sup> Ср. Sedr., vol. II, p. 153: „ἢν οἱ Βούλγαροι Ζαγόραν κατονομάσαν (которую болгары назвали Загорой)“; Zonara, vol. III, p. 387, 3—10: „ἢν λαχόντες οἱ Βούλγαροι хеллῆσαι Ζαγόραν (болгары, взяв ее, назвали Загорой)“.

<sup>79</sup> Так, Загорией называлась область к юго-западу от Пирина, где Василий II нанес решительное поражение войскам Самуила и взял в плен 14 тыс. болгар (см. Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus, ed. Wassiliewsky—Jernstedt. Petropoli, 1896, p. 18, 10).

<sup>80</sup> А. Иширков. Областното име Загория или Загора в миналото и сега. Известия на Народния етнографски музей в София, год. V, 1925, кн. 1—4, стр. 80—88; ср. Ив. Сакъзов. Областното име Загора по нови извори. Сборник в чест на Ат. Иширков. София, 1933, стр. 353—358. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что, как это следует из постановлений Генуэзской республики от 1316 г., Загорой называлась современная северо-восточная Болгария к югу от Варны, исключая Созополь (там же, стр. 354).

<sup>81</sup> С. С. Бобчев. Старобългарски правни паметници. София, 1903, стр. 147.

<sup>82</sup> Опубликована Й. Ивановым по списку XIII в. (Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931 г., стр. 478).

<sup>83</sup> Т. е. в Тырново, в крепость Трапезицу.

<sup>84</sup> Ср. Монаха Григория Житие преподобного Ромила, изд. П. А. Сырку. СПб., 1900, стр. 12. Отсюда ясно видно, что Парория, по которой, как до сих пор считали, проходила в местности Месомильский граница Болгарии при Тервеле, представляет собой отдельную от Загоры область.

<sup>85</sup> Ив. Снегаров. История на Охридската архиепископия, т. I, София, 1924, стр. 124.

<sup>86</sup> Й. Иванов. Български старини из Македония, стр. 478. Житие Св. Савы издано по списку XIV в.

<sup>87</sup> Nicetae Choniatae Historia. Bonnae, 1835, p. 481, s. l.; 488, s. l.; 520, 15; 697, 13.

<sup>88</sup> Georgius Codinus. De annorum et imperatorum serie. Bonnae, 1843, p. 160, 20—23.

выплачивать ежегодную дань болгарам, которую она уплачивала и другим „варварским“ народам, стремясь тем самым гарантировать свои земли от их нападений или сделать их своими союзниками. После вторичного воцарения Юстиниана II Ринотмета с помощью Тервеля (в 705 г.) император дал болгарскому хану титул кесаря и тем самым официально признал существование Болгарского государства. Несколькими годами позднее (по мирному договору 716—717 гг.) империя вновь подтвердила это свое признание и в официальном порядке определила болгаро-византийскую границу, которая, согласно свидетельству Феофана, шла по милыйным знакам Фракии параллельно с Восточным Балканским хребтом, являющимся естественной границей между провинциями Фракия и Нижняя Мезия. Именно эта область к северу от Балканского хребта и называлась первоначально Загория<sup>89—90</sup>.

Позднее, после принятия христианства, когда Болгарское государство укрепилось, Византия уступила болгарам и область между Сидерой и Девелтом, т. е. область, расположенную между тогдашней границей (линией Чалыковашский проход — Девелт) и Черным морем. Согласно свидетельствам византийских авторов, эта область была названа Загорой после присоединения ее к Болгарии, т. е. болгары дали ей то же самое имя, которое носила принадлежащая им область за Балканским хребтом.

Существующее до сих пор определение западной болгарской границы в VII в. также не основано на точных сведениях. Данные византийских авторов о расширении Болгарского государства на запад чрезвычайно скудны. Феофан упоминает так называемую Аварию, которая была расположена на юго-запад от вновь созданной Болгарии: „(Болгары) переселили северян от передней части прохода Веригавы на восток, а на юго-запад почти до аваров — остальные „семь колен“<sup>91</sup>.

Из этого указания Феофана видно, что речь идет не о владениях Аварского каганата на северо-западе, на территории современной Венгрии, как это обычно считается, а об аварских поселенцах на юго-западе в непосредственной близости от протоболгар. А так как дружина Аспаруха расположилась между нижним Дунаем, Одесом и восточной частью Балканских гор, то, следовательно, Аварию, о которой пишет Феофан, нужно искать к западу от прохода Сидеры, на северных склонах центральной части Балкан. О том, что западная граница Болгарии не доходила еще в то время до современной Венгрии, нам говорят и другие данные. Из Феофана известно, что в 809 г. Крум взял и разрушил Сердику, но затем отошел от нее, и город вновь перешел в руки Византии. Никифор немедленно занялся восстановлением разрушенного города и отказался амнистировать военачальников, которые передали крепость Круму<sup>92</sup>. Сведений об овладении болгарями Сердикой до 809 г. мы не имеем, а после 809 г. эта крепость оставалась еще некоторое время под властью Византии. Из так называемого „Ватиканского рассказа“ известно, что в 811 г. „Никифор, подвергнув пожару столицу Крума, уже не думал скоро уходить, но прошел через

<sup>89—90</sup> Приведенные здесь данные подкрепляют предположение о том, что сведения расширенной редакции хроники Георгия Монаха являются лишь интерполяцией. Златарский, оставив без внимания то обстоятельство, что это сообщение отсутствует в новом, критическом издании хроники, принял его как достоверное и создал на этой основе гипотезу о существовании двух параллельных областей под названием Загора.

<sup>91</sup> Theoph., p. 359, 15—17.

<sup>92</sup> Ibid., p. 485, 14—486, 6.

середину Болгарии, стремясь достигнуть Сердики, и думал, что он взял всю Болгарию"<sup>93</sup>.

Далее тот же самый летописец продолжает: „Болгары соорудили непреодолимое укрепление из огромных деревьев, подобно стене, и, дождавшись удобного случая, увидев с гор, что ромеи слоняются взад-вперед, они наняли аваров и соседние славянские племена и, вооружившись, как мужчины, так и женщины напали на них на рассвете в субботу 23 июля, на пятнадцатый день после их вторжения“<sup>94</sup>. Согласно данным „Ватиканского рассказа“, Сердика не входила в состав Болгарии, а авары упоминаются как соседи болгар наряду с „соседними славянскими племенами“. Авары, как и славяне, были позваны Крумом на помощь сразу же после сожжения его столицы, когда опьяненный победой Никифор прекратил всякую заботу о своих воинах. При своем вторжении в Болгарию византийский император уничтожил вначале двадцатитысячное войско „отборных болгар“, а затем другое — пятидесятитысячное<sup>95</sup>. Войска болгарского хана были разгромлены, дворцы его сожжены, богатства разграблены, а сам он начал смиренно просить о мире<sup>96</sup>. После того как Никифор отказался начать переговоры, а византийское войско, занимавшееся грабежами и бесчинствами, начало разлагаться, Крум позвал на помощь соседних славян и авар, поскольку большая часть его собственного войска была уничтожена<sup>97</sup>. Нанятые им славяне и авары жили отнюдь не где-нибудь далеко на северо-западе (ведь Крум не имел времени искать далеко живущих союзников), а, очевидно, они жили там, где находилась Феофанова „Авария“, т. е. на юго-запад от „семи колен“. В 813 г., перед тем как отправиться в поход на Константинополь, Крум также нанял войска из „аваров и всяких славян“<sup>98</sup>. И здесь авары вместе со славянами являются одной из составных частей войска Крума<sup>99</sup>.

Аноним, говоря о победе Крума над императором Михаилом I летом 813 г., насмехается над византийскими воинами, которые до этого хвастались и утверждали: „Когда мы пришли в Болгарию, (болгары) нас загнули в труднопроходимые места, однако на ровном месте мы можем их победить“<sup>100</sup>. Несомненно, что и для этого автора „Болгария“ начинается со старопланинских клисур, куда византийские войска опасались проникать, в то время как на равнине, они чувствовали себя более уверенными.

Название „Болгария“ в значении занятой протоболгарами страны упоминается и сирийским пресвитером Константином Апамейским на

<sup>93</sup> Ив. Дуйчев. Нови житийни данни за похода Никифора I в България през 811 г. Сп. БАН, кн. LIV, 1936, стр. 147.

<sup>94</sup> Ив. Дуйчев. Нови житийни данни... , стр. 150.

<sup>95</sup> Там же, стр. 148, 149.

<sup>96</sup> Theoph., p. 491.

<sup>97</sup> Ibidem.

<sup>98</sup> Scriptor incertus, p. 347.

<sup>99</sup> Во второй половине VI и начале VII в. авары предпринимали массовые продолжительные набеги на византийские владения к югу от Дуная (ср. Ю. Кулаковск и й. История Византии, т. II. Киев, 1912, стр. 345—347, 376—377, 463—470). Во время некоторых из этих набегов они переходили так называемые клисуры — восточные проходы Стара планины — и спускались на юг почти до окрестностей Константинополя (там же, стр. 467). В окрестностях крепости Садовец по среднему течению реки Вит найдены стрелы, „характерные для авар“ (ср. Ив. Велков. Градища. Год. нар. археолог. музей в Пловдив, II, 1950, стр. 172). Вероятно, в результате этих набегов авар и остались их некоторые единичные поселения и местные названия (например Авария) в наших землях. Ср. об этом и сообщении анонимной Брюссельской хроники, что в 31 году правления Юстиниана I (558 г. — Г. Д.) авары бежали из своих земель и расположились в пределах Мисии и Скифии (F. Cumont).

<sup>100</sup> Scriptor incertus, p. 338, 9—11.

16 заседании VI вселенского собора (9 августа 681 г.): *εις τὸν πόλεμον Βουλγαρίας* — т. е. в войне с болгарами<sup>101</sup>.

Все эти данные свидетельствуют о том, что тогдашняя Болгария была еще не очень велика. Она охватывала прилегающие к столице Крума области, рядом с которыми находились населенные аvarами и славянами земли. Некоторые из этих земель были присоединены к Болгарскому государству Крумом и его преемниками. Мы видим, однако, что еще в начале IX в. под названием „Болгария“ подразумевалась только занятая протоболгарами территория к северу от Стара планины и на восток от Сердики. Большее количество данных о расширении Болгарии на северо-запад мы имеем от времени правления Омортага.

Из хроник латинских авторов известно, что славянские племена, живущие по реке Тимок (тимочане и абодриты), которые в течение некоторого времени были союзниками болгар, в 818 г. „отказались от союза с ними“ и присоединились к франкскому государству<sup>102</sup>. Болгары пытались вновь вовлечь их в союз, однако абодриты в 822 г. просили защиты у Людовика Немецкого<sup>103</sup>. В 824 г. абодриты вновь отправили послов к Людовику и, жалуясь на враждебное отношение болгар, просили императора о помощи: „Итак, император приказал послам абодритов, которые на обыкновенном языке назывались преденеценты и населяли Нижнедунайскую Дакию, являясь *соседями болгар* (курсив мой. — Г. Ц.), идти туда незамедлительно<sup>104</sup>. Зимой того же 824 г. к франкскому правителю прибыли также послы от Омортага с предложением мира и с предложением определить границы между болгарами и франками<sup>105</sup>. Людовик не сразу принял болгарских послов, но заставил их ждать в Баварии до весны 825 г., когда, наконец, он выслушал их предложения. Однако он не дал положительного ответа послам, и поэтому в 826 г. Омортаг отправил новую делегацию к нему, настаивая на немедленном определении границ между обоими государствами. В противном случае он угрожал, что защитит и без соглашения о мире свои границы<sup>106</sup>. Однако и на этот раз Людовик отказался удовлетворить требование болгарского хана, в результате чего в 827 г. болгарские войска проникли на лодках по реке Драва в Паннонию и, изгнав местных правителей, поставили там своих<sup>107</sup>.

Итак, на основании данных латинских хроник мы можем предположить, что расширение болгарского государства на северо-запад по течению реки Тимок произошло в первые годы правления Омортага. Эти области, однако, не были на длительный срок присоединены, так как в 818 г. абодриты и тимочане отделились от болгар, а в 824 г. абодриты

<sup>101</sup> J. D. Mansi. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, XI. Paris et Leipzig, 1701, p. 617. Ср. Ив. Дуйчев. *Славяни и първобългари*. ИИБИ, I—II (1952), стр. 192.

<sup>102</sup> „... a Bulgarorum societate desciverant“ (Einhardi Annales. MGH, SS, vol. II, p. 205, 20—22, s. a. 818).

<sup>103</sup> Ibid., p. 207, 36—37, s. a. 822.

<sup>104</sup> „Et contermini Bulgaris Daciam Danubio adjacentem incolunt“ (ibid., p. 213, 1—2).

<sup>105</sup> Einhardi Annales, p. 212, 6—8. Ср. Annales Fuldenses (ibid., I, p. 352, 22—24, s. a. 824; p. 352, 34—35, s. a. 825).

<sup>106</sup> Согласно Фулденской летописи, новое посольство Омортага было направлено в 825 г. (Annales Fuldenses, p. 352, 34—35). Об этих переговорах см. подробнее: N. Bănescu. *Les frontières de l'ancien état Bulgare*. Memorial Louis Petit, Archives de l'Orient chrétien, I. Bucarest, 1948, p. 11.

<sup>107</sup> Einhardi Annales, p. 216, 32—34, s. a. 827. Ср. Annales Fuldenses, p. 357, 31—33, s. a. 837.

в Прибрежной Дакии<sup>108</sup> упоминаются как соседи болгар. После 827 г. к Болгарскому государству были уже прочно присоединены славянские племена в Паннонии. С этого времени они уже остались в пределах Болгарского государства. Согласно свидетельству Фулденской летописи, в 892 г. франкский король Арнульф, который вел войну с моравским князем Святополком, попросил о помощи болгарского правителя Владимира и просил его не снабжать моравцев солью<sup>109</sup>.

Из приведенных данных очевидно, что западная граница Болгарии в период правления Крума не доходила до реки Тимок, как это обыкновенно считают, так как область Сердики не была еще включена в пределы тогдашнего болгарского государства. Тимокская область, которую населяли тимочане и абодриты, была присоединена к Болгарии в период правления Омортага.

Не менее скудны данные о северной<sup>110</sup> и восточной границах Болгарии того времени. Обыкновенно считают, что восточная граница шла по берегу Черного моря. Но и здесь необходимо было бы внести некоторые уточнения. Так, например, относительно Варны принято считать, что она стала болгарской во второй половине VIII в.<sup>111</sup> Однако мы знаем, что во время династической борьбы в Болгарии в 768 г. хан Паган, который незадолго до того вернулся со своими боилами из византийской столицы, решил бежать в Варну, ища спасения от вспыхнувшего в „Болгарии“ бунта на византийской территории. Согласно патриарху Никифору, он был убит своими людьми, когда пытался перейти на сторону (προσρρυεσδαι) императора<sup>112</sup>. Несколькими годами позднее (в 773 г.) Константин Копроним предпринял большой поход против Болгарии и дошел со своим флотом до Варны, не встретив отпора со стороны болгар, которые отправили к нему послов с предложением о мире<sup>113</sup>. В начале IX в. Месемврия также не входила еще в пределы Болгарского государства. Туда около 766 г. бежал лишенный престола болгарский хан Сабин<sup>114</sup>, а осенью 812 г. Крум угрожал византийскому императору Михаилу I, что он нападет на Месемврию, и действительно взял город с помощью осадных машин, обращаясь с которыми его научил бежавший из Византии араб<sup>115</sup>.

На основании данных письменных источников мы видим, что Болгарское государство в течение около полутора веков после своего возникновения имело незначительную территорию. Болгарские ханы производили частые набеги далеко за пределы своего государства, но вновь возвращались с богатой добычей в свои прежние владения. Мы видели, что даже еще в первые десятилетия IX в. под „Болгарией“ подразумевалась только занятая протоболгарами территория, в то время как населенные славянами области обыкновенно назывались „Слави-

<sup>108</sup> Под „Прибрежной Дакией“ подразумевается так называемая Аврелианова Дакия к югу от Дуная около устья р. Савы (см. G. Marquart. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, p. 117).

<sup>109</sup> *Annales Fuldenses*, p. 408, 33—35, s. a. 872.

<sup>110</sup> Известно, что в 813 г. Крум поселил взятых им византийских пленных из Одрин в „Болгарию за Дунай“ (см. *Scriptor incertus*, p. 345, 23). Так обозначалась современная Южная Бессарабия — первоначальный центр Аспаруховой дружины (ср. В. Златарски. *История*, т. I, 1, стр. 227; N. Bănescu. *Les frontières...*, p. 7).

<sup>111</sup> В. Златарски. *История...*, т. I, 1, стр. 152—223.

<sup>112</sup> *Nicéph.*, p. 71, 4—6.

<sup>113</sup> *Ibidem*. Ср. В. Тъпкова-Займова. *Крепости и укрепления градове през първото българско царство*. „Военно-исторически сборник“, XXV, 1956, кн. 3, стр. 45; В. Велков. *Бележки върху социално-економическото развитие на Одесос през късно античната епоха*, ИВАД, т. X, 1956, стр. 90, сл.

<sup>114</sup> *Theoph.*, p. 433, 18—20.

<sup>115</sup> *Ibid.*, p. 498, 7—14; 499, 5—9.

нии“. Так было вплоть до середины IX в. Византийские авторы продолжают называть болгар „гуннами“ еще и в период правления Омортага<sup>116</sup>. В его время большая часть славянских племен современной Болгарии все еще не была окончательно присоединена к Болгарскому государству. Некоторые из них, например „северяне“ и „семь колен“, находились в более тесных отношениях с протоболгарами, участвовали в качестве союзников в походах болгарских ханов; другие славянские племена, например „абодриты“, „тимочане“, то вступали в союз с протоболгарами, то отходили от них, третья же группа племен поддерживала Византию в ее борьбе против Болгарского государства. Этнические и языковые различия были еще очень сильны. Только после принятия христианства возникли более благоприятные условия для слияния славян и протоболгар в один народ. Славянский язык стал официальным литературным и разговорным языком. Протоболгары, число которых было сравнительно невелико, все более и более отступали на второй план, пока полностью не растворились в славянской массе. К этому времени, вероятно, нужно относить и расширение Болгарского государства на юго-запад, на территорию современной Македонии, которая тогда, как и Дунайская Болгария, была населена и славянами и протоболгарами<sup>117</sup>. После принятия христианства болгарами это население особенно сильно почувствовало необходимость присоединиться к своим сородичам, уже создавшим свое государство<sup>118</sup>.

В течение многих лет молодое и еще не окрепшее Болгарское государство должно было отстаивать свое право на существование против несравненно более сильного противника — Византийской империи. Из этой упорной и неравной борьбы оно вышло победителем благодаря сильной военной организации и объединению славян с протоболгарами. При переселении протоболгар на Балканский полуостров живущие там славянские племена по своему общественно-экономическому строю стояли на пороге создания государственной организации, а общность их интересов с протоболгарами в борьбе против Византии ускорила их объединение в одно государство<sup>119</sup>.

Приведенные здесь данные должны предостеречь нас от увлечений при решении вопроса о границах болгарского государства в ранний период его существования. С другой стороны, они красноречиво опровергают ненаучные и тенденциозные утверждения некоторых буржуазных авторов, будто бы болгарское государство в первые десятилетия после своего возникновения не имело постоянной территории с определенными границами, а его территорией считалась лишь та область, в пределах которой болгары совершали грабежи.

<sup>116</sup> Ignatii Diaconi Vita Nicephori. (Niceph., p. 163, 4; 206, 29).

<sup>117</sup> О славянах и протоболгарах в Южной Македонии см. L. Niderle. Manuel d'antiquité slave, I. Paris, 1923, p. 104—107; Н. Милев. Кубрат от историята и Кувер от „Чудесата на св. Димитрия Солунски“. „Периодическо списание на Българската книжно дружество“, кн. LXXI, 1910, стр. 508—576; В. Златарски. История... т. I, 1, стр. 155—157; В. Бешевлиев. Надписите... стр. 62—71.

<sup>118</sup> Златарский считает, что присоединение Македонии произошло при Пресияне, так как, по его мнению, у нас нет сведений о завоевании этой области при Борисе. Однако и от времени Пресияна мы не имеем точных данных о болгарских завоеваниях в этих областях. Более вероятным кажется предположение, что они были мирно присоединены к болгарскому государству после принятия христианства. (В. Златарски. История... т. I, 1, стр. 342).

<sup>119</sup> „История на България“, т. I. София, 1954, стр. 66.